

Голикова Т. А. Психология выбора личного имени у тюркских народов / Т. А. Голикова // Научный диалог. – 2013. – № 9 (21) : Психология. Педагогика. – С. 21–31.

УДК 811.512.1+81'373.231

Психология выбора личного имени у тюркских народов

Т. А. Голикова

Рассматриваются основные психологические и социальные факторы, обуславливающие выбор того или иного личного имени у тюркских народов. Представлены основные модели имянаречения. Автор приходит к выводу о том, что в число основных мотивов имянаречения входят обеспечение носителю имени магической защиты, кодирование информации об обстоятельствах рождения ребенка, «моделирование» (и прогнозирование) судьбы человека, фиксация сведений о «месте» человека в социуме, соблюдение семейных запретов и обеспечение социокультурной адаптации человека.

Ключевые слова: антропоним; ономастикон; имянаречение; тюркские языки.

В антропониме фиксируются психологические особенности номинатора, социокультурные установки среды, выбор антропонима определяется психологическими мотивами имянаречения.

Тюркский ономастикон в меньшей степени подвергся изменению под влиянием историко- и социокультурных факторов, сохранил древние традиции имянаречения. Как известно, в тюркских культурах установки номинатора наиболее ярко проявлялись в интенциональных именах: именах-благопожеланиях, именах-оберегах – «плохих именах», данных «хорошим детям». Имени ребенка в традиционной тюркской культуре, как во многих других, придавалось большое смысловое и символическое значение: *ат коркушту учурлу неме* (алт. «имя имеет очень большой смысл»). Происхождению и семантике

тюркских имен посвящен ряд исследований, см. работы [Валиева, 2007; Галиуллина, 2009; Раемгужина, 2009; Хазиева, 2007 и др.].

Работа М. З. Валиевой [Валиева, 2007] посвящена женским личным именам, их группированию по лексико-семантическому признаку и рассмотрению особенностей их образования. Исследуя татарские женские имена, она выявляет общеалтайский, древний общетюркский, общестаротюркский, старотатарский и заимствованный пласты. Автор указывает, что обычно при выборе имени для ребенка решающую роль играют лингвистические и экстралингвистические факторы, прослеживается связь между мотивами наречения и общественно-историческими событиями. Татарские женские личные имена образуются от апеллятивов и от других онимов. В результате сравнительного изучения городского и сельского именника исследовательница делает вывод о том, что процесс обновления антропонимической системы в городской среде происходит быстрее. Это явление отражается даже в именнике XIX века. Изменения, происходящие в обществе, в городской антропонимике отражаются наиболее полно. Например, в 1946–1966 годах имена-аббревиатуры были активны в городе, в сельской местности встречались довольно редко, имелись лишь единичные случаи. В сельской местности в последнее десятилетие XIX века отмечалась большая активность татарских женских личных имен, состоящих из трех компонентов. В XX веке имена, состоящие из трех компонентов, в Казани не встречаются, а в сельской местности, хотя и реже, но продолжают использоваться. В сельской местности гораздо реже, чем в городе, используются имена, заимствованные из русского и западноевропейских языков.

Г. С. Хазиева [Хазиева, 2007] выявляет лексико-семантические, структурно-словообразовательные особенности татарской мужской именной системы. Через призму генетических пластов и подпластов татарской мужской антропосистемы рассматриваются лингвистические контакты разносистемных и родственносистемных языков. Также выявляются традиционные и современные мотивы имянаречения, проводится сравнение с другими тюркскими языками (казахским, башкирским, турецким, азербайджанским и др.). Делаются выводы о наиболее продуктивных татарских мужских именах и тенденциях их развития, сделана попытка выявления социальной диффе-

ренциации антропонимикона, характерного для городской и сельской местностей. Исследование древнетюркского подпласта показало его неоднородность при анализе мужских имен, составляющих общий компонент для татарского, казахского, башкирского, туркменского, узбекского, турецкого и для других тюркских языков. Древнетюркские мужские личные имена отличаются прозрачностью семантики их основ. Они чаще всего двусоставны и содержат компоненты, в которых отражены культ неба, солнца, луны, названия животных и птиц.

Г. С. Хазиева отмечает, что антропокомпоненты и антропоформанты древнетюркского пласта мужской именной системы в тюркских языках мало подверглись изменениям. Старотатарский пласт в татарской мужской именной системе представлен болгарскими, кыпчакскими, огузскими антропоформантами и антропокомпонентами.

Новотатарский пласт мужских личных имен появляется в именнике в начале XX века, он формируется на основе благозвучных и положительных по семантике татарских слов: *Ирек* («свобода»), *Илгизэр* (ил «страна», *гизэр* «странствующий»), *Айгиз* (ай «месяц, луна», *гиз* «странствуй»), *Ялкын* («пламя»), *Дулкын* («волна»), *Очкын* («искра»), *Ант* («клятва»), *Юлдаш* («спутник»), *Тырыш* («старательный, прилежный, усердный»). Этот пласт пополнился также новотатарскими мужскими личными именами, образованными от причастия будущего времени и глагола будущего времени изъявительного наклонения: *Туктар* «остановится», *Таймас* «не отклонится (от намеченного пути)», *Илтөзэр* «страну будет строить», *Алмас* «не возьмет», *Сөярбәк* «любимый князь» и т. д. За счет появления в реестре новотатарского пласта имен, ставшего новшеством антропонимической системы татарского языка, заметно увеличился национальный фонд личных имен.

Исследуя семантику и структуру антропонимов татарского языка, Г. Р. Галиуллина [Галиуллина, 2009] выдвигает гипотезу о том, что татарская антропонимия представляет синтез тюрко-татарской, восточной, русской и европейской лингвокультурных традиций и развивается, трансформируясь под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, по тем традициям, которые заложены

жены в древнетюркском имянаречении. Культура татарского народа имеет симбиотический характер: основываясь на тюркских традициях, вобрав в себя элементы исламской культуры, она испытывает сильное влияние запада через русскую культуру. В диссертационной работе этого автора выявляется национально-культурная специфика татарской антропонимии (ее культурный статус).

Г. Р. Галиуллина приходит к выводу о том, что тюрко-татарская традиция имянаречения формируется в анимистических и тотемистических воззрениях, которые стали базой для дальнейшего развития антропонимической системы татар. Часть антропонимов и имяобразующих компонентов проходят этап эволюции: от прямого денотативного значения – к метафорическому, ассоциативному значению, которое на последующих этапах развития антропонимии становится доминирующим. Именно в период доисламского имянаречения была заложена связь в семантике тюрко-татарских имен: «денотативное значение – ассоциативное значение – семиотическое значение / знак». Живая семантическая связь тюркского личного имени с соответствующим апеллятивом постепенно исчезла. Архаические формы мышления, нашедшие свое отражение в именах, не ушли в прошлое, они присущи, в незначительно измененных вариантах, мышлению и психике современных татар. Анализ имен показал, что мифологические верования, отраженные в архаичных тюрко-татарских именах, проявляются и на современном этапе развития национального ономастикона.

По заключению автора, древнетюркские традиции нашли продолжение в лингвистической структуре современной татарской антропонимии. В частности, истоки таких особенностей, как рифмование имен, двух-, трехсложная слоговая структура, имяобразующие модели, малокомпонентность, компактная структура составных имен, лежат в древнетюркском именовании. Рассмотрение современных продуктивных антропонимических моделей позволило прийти к выводу, что сложные имена в современном татарском языке образуются по древнетюркским традициям имяпроизводства.

Говоря о формировании современной антропонимии татар, Г. Р. Галиуллина отмечает, что большую роль в этом процессе сыграли экстралингвистические факторы. В ходе исследования выявлено,

что привлечение новых лексических единиц в антропонимическое пространство осуществляется согласно основным мотивам имянаречения, заложенным веками ранее. Проникновение антропонимических знаков русской и западной культуры прошло в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности в лексическом, фонетическом и структурном аспектах (появились новые сочетания звуков в составе имени, проникли акцентологические особенности и имяобразующие элементы русского языка). Под влиянием русской и западной культур имянаречение нашло новые возможности реализации.

Таким образом, заключает Г. Р. Галиуллина, современная татарская антропонимия развивается в трех направлениях: во-первых, наполняясь новой семантической и функциональной нагрузкой, продолжается тюрко-татарская традиция, которая является основополагающей в развитии антропонимической системы; во-вторых, в новых направлениях развивается восточная традиция, пришедшая в татарское национальное пространство с принятием ислама; в-третьих, активизируется русская и через нее европейская традиции, впоследствии синтезирующиеся с национальными традициями имянаречения. Благодаря тому, что татарский народ сумел заимствовать и адаптировать положительные стороны разных лингвокультур, в трудные периоды исторического развития сохранилась историческая память народа, и на ее основе национальные традиции укрепились и развиваются дальше.

В работе З. М. Раемгужиной [Раемгужина, 2009] показано, что имена собственные башкирского языка содержат в своей семантике национально-культурный компонент, отражают национальный менталитет и особенности восприятия окружающего мира. В современном башкирском именнике значительное место занимают дескриптивы арабского языка, включая также имена собственные арабско-персидского происхождения. В фамилиях сохранился древнейший пласт антропонимов – меморативы, дескриптивы, дезидеративы. Местоположение отдельных объектов в пространстве, их доступность, протяженность, особенности окружающей человека земной поверхности, своеобразие природы, состава растительного и животного мира, предметов быта и культа и другие факты этнической культуры

башкирского народа нашли свое отражение в антропонимике башкир, то есть в личных именах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах и т. д.

Обратим внимание на то, что в работах, которым выше было уделено внимание, подчеркивается этнокультурный потенциал личных имен. Кроме того, очевидно, что выявляемые на материале разных языков (в нашем случае тюркских) модели образования имен во многих случаях запечатлели психологию народа – носителя языка.

Нами выявлен ряд моделей имянаречения в алтайском языке, которые были представлены в предыдущих публикациях [Голикова, 2009; Голикова, 2010]. В данной статье рассмотрим эти модели с точки зрения психологических оснований, на которые опирается номинатор.

1. Современные алтайские имена образованы от нарицательных имен различной, но при этом, заметим, часто – положительной семантики: *Алым* – «долг»; *Амыр* – «мирный, спокойный»; *Лайым* – «свобода»; *Жылдыс* – «звезда»; *Линды* – «бисер, жемчуг»; *Чейнеш* – «пион»; *Чечек* – «цветок»; *Эркелей* – «миленькая» и др. Дело при этом не столько в том, что психологически важно для родителей выразить нежность к своему ребенку, сколько в защитной функции «приятного имени». Такими любимыми, приятными, нередко заимствованными из мифологии и фольклора, для современного алтайца служат имена: *Ай-кулак* («лунное ухо»), *Айсулу* («отражение луны в воде»), *Алдырбас* («ничего, ладно»), *Амыр* («спокойный»), *Баатыр* («богатырь»), *Жалтыркай* («блестящий, сверкающий»), *Жинжилей* («бусинка»), *Кару* («родной; дорогой»), *Тана* («перламутр, пуговица»), *Чачак* («кисточка»), *Эржине* («драгоценность») и др.

С другой стороны, для алтайских традиций характерно наречение обманными (также защитными) именами. Как известно, во многих культурах выбор имени, помимо традиции, мог определяться установкой на защитный вариант. Известны обычаи наречения непривлекательным именем или множеством имен, с тем чтобы злым духам было трудно найти истинное имя. Современные алтайцы знают «плохие» имена: *Бок-Жуген* (груб. «грязный»), *Бокту* (груб. «пачкун»), *Жалку* («ленивый»), *Жаман-Жыт* («плохой запах; вонючий»), *Жамандык* («зло»), *Жаман-Кыс* (плохая девочка), *Жаман-Уул* (плохой

мальчик), *Ламан-Чырай* («плохое, некрасивое лицо»), *Ларым-Кулак* («пол-уха»), *Ийт-Баи* («собачья голова»), *Ийт-Бок* (груб. «собачьи испражнения»), *Ийт-Көддөн* (груб. «собачий зад»), *Ийт-Кулак* («собачье ухо»), *Керек-Жок* («ненужный»), *Төгүнчи* («обманщик») и др.

2. В именах может кодироваться информация о времени, месте, обстоятельствах рождения ребенка. Например, алт. *Мултук* (букв. «ружье») – «родившийся на праздник Крещения»; *Байрам* – «родившийся на праздник»; *Орой* – «поздний ребенок, последний»; *Эртей*, *Эртен*, *Эртечы* – «ранний». Подобные имена показывают, что для номинатора психологически актуально запечатлеть конкретные обстоятельства «прихода» человека в мир.

3. Имя может быть дано и по отличительным чертам малыша, уже видимым родителям, или по тем чертам характера, которые упоминаются в контексте пожелания приобрести их (стать сильным, богатым, здоровым, счастливым, имеющим большие возможности, удачливым и др.): *Арчындай* (букв. «словно можжевельник») – имя, содержащее пожелание стоять на земле столь же крепко, как можжевельник; *Айанчы* – пожелание повидать землю, много путешествовать; *Астам* – «всегда иметь выгоду, прибыль»; *Кыртодо* – «быть голенастым» (а значит, крепким). Среди алтайских мужских имен частотны имена *Брыс* (счастье), *Брысту* (счастливый). Если у алтайцев это строго мужское имя, то у других тюркских народов *Брыс*, *Брысты* – женское имя, например, казах. *Брысты Абелгазинова*, *Брыс Толонова*, кирг. *Брыс Жакыпова* и др.

4. Интенции номинатора могли состоять в определении «места» человека в социуме, его принадлежности роду, семье. Например, составные части сложных антропонимов, которые могут писаться как слитно, так и через дефис, восходят к мифологической и фольклорной традиции: первоначально одно из слов означало родовую, шире – национальную, принадлежность, второе слово определяло характер, индивидуальные особенности персонажа, героя, духа. Даже после революции у алтайской интеллигенции сохранился обычай присоединять к своей фамилии название рода: *Чорос-Гуркин*, *Чагат-Строев*, *Мундус-Эдиков* и др. Вместе со своим именем дети рано узнавали свой «сёк». Было принято рассказывать детям о людях своего сёка, их храбрости, мудрости и пр. Более старших детей учили называть

предков до седьмого колена. Своих сородичей дети называли братом, сестрой. По примеру старших ребенок обращался на «Вы» даже к младшему, если родители малыша были старше, чем его родители. Среди современных алтайских имен нередко встречаются названия сёков: Байлагас, Кёбёк, Тодош, Кабак, Кожут и др. Кроме того, в тюркских семьях существовал обычай наречения детей близкими по звучанию именами: алт. *Палачак – Паланчы – Палагей – Паланька; Маадай – Модой – Маадый*.

5. Для рассматриваемой языковой традиции характерно также имянаречение по обычаю запрета, избегания. При выборе имени для новорожденного строго соблюдался запрет давать имена родителей, дедов и бабушек – как живущих, так и уже умерших. Как объясняют пожилые женщины-информанты, в случае с именами бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек этот запрет действует потому, что мама новорожденного, будучи *келин*, невесткой семьи, не имеет права называть имен свекра и свекрови, всех старших родственников мужа по отцовской и материнской линии до седьмого колена, соблюдая обряд избегания кайындаш. Кроме того, считается, что, давая имя когда-то жившего родственника ребенку, ему предопределяют повторение судьбы этого человека. Следовательно, давать такое имя будет неправильно, поскольку каждый родившийся человек наделяется собственной, индивидуальной и оригинальной судьбой. Наречение ребенка именем старшего родственника означает наделение его не своей судьбой. Судьбу, однако, можно изменить, поменяв имя. Смену имени считают необходимой в тех случаях, когда ребенок постоянно болеет без видимых причин, плохо спит или растет. Бывает так, что ребенок в 4–5 лет сам выбирает себе имя. Он просит домашних называть его иным именем и сам зовет себя так. У родителей для подобного решения есть 7 или, по другим сведениям, 12 лет.

6. Фактор влияния другой культурной традиции обусловил наречение двумя именами. С середины XIX века начинает свою деятельность Алтайская духовная миссия: алтайские имена активно вытесняются русскими, вначале православными, именами. При обращении в христианское вероисповедание алтайцы нарекались русскими именами, и таким образом у взрослого человека становилось два имени: первое – алтайское, данное ему при рождении своими сородичами и

впоследствии табуированное, второе – русское, полученное им позднее при крещении. Это второе имя в некоторых случаях было официальным именем, по мере взросления оно становилось своеобразным эвфемизмом табуированного алтайского имени в семье и предпочтительной формой обращения, например, при желании выказать уважение к человеку. Из двух имен алтайское имя забывалось, со временем знали его только свои родственники или старшие, а детям, молодежи, посторонним это имя даже было и неизвестно.

Когда стали крестить новорожденных, нарекать и регистрировать в церкви русскими именами, появляется традиция подбора алтайского имени к известному русскому по сходству начальных звуков: *Дмитрий – Жайтыш* (*жайтыш* ‘обширный, свободный, просторный’); *Михаил – Мойно* (*мойно* – ‘упрямиться’); *Татьяна – Тана* (букв. ‘перламутровая пуговица’).

До сих пор алтайцы повсеместно используют два имени. Правда, сегодня, это выполняет другую функцию: в среде алтайцев, для своих, используется алтайское имя, в среде же русских – второе, русское имя: Николай–Мылчий, Владимир–Бухабай, Виктор–Чоднак (алтайский поэт Эрэмзеев), Иван–Таныспай (алтайский поэт Шинжин), Василий–Паслей (алтайский поэт Паслей Самык) и др.

В 20–30-е годы стало возможным имянаречение с учетом фонетической адаптации имени к названию русской реалии: *Шурнал* (из рус. *журнал*); *Телегат* (из рус. *делегат*); *Плаката* (из рус. *плакат*); *Алексей – Укас* (из рус. *указ*) и др. В некоторых случаях русское имя (шире – христианское) оставалось единственным именем человека (алтайским именем его не нарекали вообще) и произносилось в соответствии с нормами алтайского языка: Марпа (Марфа); Параской (Парасковья); Барбарыш (Варвара); Желене, Желенке (Елена); Мыкайлаш (Михаил); Мосько (Моисей); Банюш, Бануш (Ванюша); Темекей (Тимофей), Элескей (Алексей), Мукулаш (Николаша); Маткей (Матвей), Педе (Федя) и т. д.

Все популярнее становится наречение именами, заимствованными из других культур, фонетически адаптированными к тюркским языкам. Заимствуются редкие, малоупотребительные в соответствующих культурах имена: *Добрыня* (из рус.); *Аделина* (зап. [из др.-герм. *adal* ‘благородный’]); *Айгуль* (казах. ‘лунный цветок’); *Аэлита*

(рус. нов. [придуманно А. Толстым в романе *Аэлита*]); *Арина* (рус. *Ирина*; фонетически сходное имя с алт. *Аруна* [чистая]); *Эльвира*; *Руслан*, *Руслана*, *Фаина*, *Виль*, *Марат*, *Роза* и др.

Таким образом, современные тюркологические исследования в области антропонимии посвящены выявлению древнейших тюркских пластов, пластов заимствования, выявлению традиций в области имянаречения, мотивов выбора имен и моделей имянаречения. Все это важная область исследований не только в лингвистическом, но и в психологическом, антропологическом, социальном и культурно-историческом аспектах, также следует подчеркнуть их важность с точки зрения межкультурных сопоставлений.

Формирование и развитие антропонимической системы тюркских языков напрямую связано с культурными традициями древних тюрков. Поклонение явлениям природы, тотемистические и анимистические представления стали частью духовной культуры. В именах того периода существовала неразделимая связь «предмет – имя – человек», которая позволяла рассматривать имя как часть личности. Особенности антропонимического узуса в традиционной тюркской культуре обусловлены мифическими представлениями о природе имени: отождествлением имени и его носителя или верой в существование сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени «замещать» человека; имя является «вечным знаком», который соединяет его носителя с предками и потомками, то есть знаком бессмертия человека, рода и т. д. В тюркском языческом именовании основное место занимают две формы воззрений - тотемизм и анимизм, которые стали базой для дальнейшего развития антропонимической системы тюрков.

Итак, в число основных мотивов имянаречения входят:

- желание обеспечить носителю имени магическую защиту;
- кодирование информации о времени, месте, обстоятельствах рождения ребенка;
- «моделирование» (и прогнозирование) судьбы человека;
- фиксация сведений о «месте» человека в социуме, его принадлежности роду, семье;
- соблюдение запретов, связанных с организацией микросоциума (семьи);
- обеспечение социокультурной адаптации человека.

Литература

1. *Валиева М. З.* Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен : диссертация... кандидата филологических наук / М. З. Валиева. – Казань, 2007. – 278 с.

2. *Галиуллина Г. Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте : диссертация... доктора филологических наук / Г. Р. Галиуллина. – Казань, 2009. – 403 с.

3. *Голикова Т. А.* Модели имянаречения в традиционной алтайской культуре / Т. А. Голикова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – Вып. 15. – Москва : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – С. 73–79.

4. *Голикова Т. А.* Новый алтайский именник / Т. А. Голикова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). – Вып. 17. – Москва : ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 42–50.

5. *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования) : диссертация... доктора филологических наук / З. М. Раемгужина – Уфа, 2009. – 307 с.

6. *Хазиева Г. С.* Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен : диссертация... кандидата филологических наук / Г. С. Хазиева. – Казань, 2007. – 215 с.

© **Голикова Татьяна Александровна (2013)**, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и издательского дела, Российский новый университет – РосНОУ (Москва), tat-golikova@yandex.ru.